

6
русс

Любовь будущего: открытость/тотальность

Любовь будущего: открытость/тотальность

По материалам дискуссии, состоявшейся 02 апреля 2015 года
(книжный магазин «Порядок слов»).

Участники дискуссии: *Артемий Магун, Оксана Тимофеева, Йозель
Реgev, Галина Рымбу, Елена Костылева и др.*

Введение Многамия: полиамория и ее дискурс

Елена Костылева

Возникшая в 1990-е гг. в Америке в среде образованного белого среднего класса, полиамория — не столько течение или движение, не столько практика или теория, сколько новый тип этики человеческих отношений, давно не вмещающихся в рамки нуклеарной семьи и не описываемых в ее терминах. То, что обычно называют кризисом традиционной семьи, является, по сути, новыми ее формами, но до появления термина «полиамория» эти формы не имели другого языка самоописания, кроме негативного по отношению к традиционной общественной морали.

Полиаморическая доктрина соединила в себе популярные достижения европейской гуманитарной мысли последних лет, включая гендерную теорию, феминизм и квир-теорию. В принципе, она представляет собой некий свод или комплекс объяснений, почему

вступать в близкие отношения со многими людьми может быть так же приемлемо с точки зрения «большого общества», как и с одним, и как это делать этично, никого не ущемляя, не подавляя и не заставляя страдать (утопический, как и садомазохистический, компоненты в полиамории, конечно, тоже присутствуют).

Нерепрессивные полиамурные отношения (=этическая нонмоногамия, сознательная ответственная нонмоногамия, согласованная немоногамия, или же просто полиамория) отличаются несколькими принципами, отсутствующими в других видах полигамии. Это добровольность (*consent*, в отличие от многоженства), честность (осведомленность всех участников о структуре отношений, в которых они оказались, — этим полиамория отличается от адюльтера), ответственность (в этом отличие полиамории от свингерства или любых других форм исключительно сексуальных отношений), доверие, а также преодоление ревности (в этих двух пунктах полиамория приближается к христианской или альтруистической системе ценностей). К этому списку часто добавляется принципиальная неиерархичность, однако существуют разновидности полиаморных отношений с усложненной по сравнению с диадными союзами иерархией, признаваемой участниками в качестве структурного принципа. В происходящем на наших глазах формировании новой этики любовных отношений огромная роль уделяется критике присутствующих в них элементов патриархальности и анализу отношений власти.

Полиаморные союзы, которых в Америке насчитывается около полумиллиона, классифицируются по степени их открытости, периодически сливаясь до неразличимости с групповыми браками, открытыми (но при этом в основе своей традиционными), шведскими семьями и т. п.

В связи с массовым изменением любовных практик и переосмыслением самого понятия любви исследователями поднимаются радикальные вопросы. Если само событие близости больше не влечет за собой ни биографических последствий (беременности, болезни), ни даже общественного порицания (скорее наоборот), то что такое сексуальные отношения? Для полиамористов они определенно существуют, но каков их статус? Или — что теперь, вне рамок традиционной буржуазной (запрещающей) морали, означает словосочетание «мой сексуальный партнер»? Кто он? Что меня с ним связывает? И не являются ли субъектом полиамории сами отношения, а не люди, состоящие в них, и не идеология, им сопутствующая?

Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» предполагал такое развитие событий:

Полная свобода при заключении браков может, таким образом, стать общим достоянием только после того, как уничтожение капиталистического производства и созданных им отношений собствен-

ности устранил все побочные, экономические соображения, оказывающие теперь еще столь громадное влияние на выбор супруга. Тогда уже не останется больше никакого другого мотива, кроме взаимной склонности (Энгельс 1983: 281).

Однако первые попытки выстроить «новую семью» происходят уже при капитализме. Они направлены на изменение форм распределения либидо и либидинальной экономики. В полиаморной ячейке сохраняются элементы буржуазной семьи: общее мнение состоит в том, что полиамористы не революционеры, а люди в домашних тапочках, но революционный потенциал в них есть. Попадая в зазор между не запрещенным и не разрешенным и оставаясь невидимыми для регулирующих структур, они (в отличие от отношений внутри ЛГБТ-сообщества) не стремятся быть признанными официальными инстанциями или церковью. У полиамории другой механизм легитимации. Она утверждает себя при помощи обширного научного и медиадискурса, начиная, пожалуй, с самой популярной книги о полиамории «Высокоморальной шлюхи» Досси Истон и Дженет Харди (Easton, Hardy 2009) и классических работ Деборы Анаполь «Новая любовь без границ» (Anapol 1997) и Элизабет Шефф «Полиамористы за соседней дверью» (Sheff 2014). Более подробные исследования можно найти в библиотеке полиамории института Кинси,¹ где различные аспекты этого явления рассматриваются в рамках психологии, социологии, философии, гендерных, квир-, культурных и междисциплинарных исследований. Междисциплинарный подход свойственен и международной конференции о будущем моногамии и нонмоногамии, которая четвертый год подряд проходит в Калифорнийском университете в Беркли.² И, конечно, полиамория ищет свою основу в традициях искусства: благо, история свободных отношений фиксировалась с помощью искусства на протяжении всей его истории.

Сама подвижность структуры полиаморной семьи заставляет постоянно осмыслять и переосмыслять себя. Бытие в полиаморической ячейке общества — это постоянные сомнения в универсальности универсальных законов бытия и постоянное установление их для самих себя: каждый раз — заново, каждый раз — с начала.

Библиография

Энгельс, Ф. (1983). Происхождение семьи, частной собственности и государства. В кн.: Маркс, К., Энгельс, Ф. *Избранные произведения*, в 3 т., т. 3. М.: Изд-во полит. лит-ры, с. 211–370.

---

¹ <http://www.kinseyinstitute.org/library/Pdf/Polyamory%20Bibliography.pdf>.

² International Conference on the Future of Monogamy and Nonmonogamy. <http://www.thesaar.com>.

- Anapol, Deborah M. (1997). *Polyamory: The New Love Without Limits: Secrets of Sustainable Intimate Relationships*. San Rafael, CA: Intinet Resource Center.
- Easton, Dossie, and Janet W. Hardy (2009). *The Ethical Slut: A Practical Guide to Polyamory, Open Relationships & Other Adventures*, 2nd ed. Berkley, CA: Celestial Arts.
- Sheff, Elisabeth (2014). *The Polyamorists Next Door: Inside Multiple-Partner Relationships and Families*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- The Kinsey Institute for Research in Sex, Gender, and Reproduction Library. *Polyamory Bibliography*. Last modified December 2008. www.kinseyinstitute.org/library/Pdf/Polyamory%20Bibliography.pdf.

Дискуссия

Константин Шавловский: Добрый вечер! Инициатива организовать эту встречу родилась в связи с выставкой, прошедшей в Петербурге под названием «А как же любовь?», и выступлением Елены Костылевой на открытии, посвященном полиамории. После выставки и доклада в социальных сетях возникла дискуссия, а вскоре поступило предложение из виртуальной сделать ее публичной и открытой и провести здесь, в «Порядке слов». За выбор этой площадки я благодарен нашим участникам. Я представляю основных участников дискуссии. Мы надеемся, что к ней подключится вся аудитория, поскольку обсуждаемая тема близка каждому из присутствующих — в этом я не сомневаюсь. Итак, дискуссия называется «Любовь будущего: открытость/тотальность». Ее участники: философы Артемий Магун, Йозеф Реев, Оксана Тимофеева и поэты Галина Рымбу и Елена Костылева.

Елена Костылева: В этой дискуссии мы пропустим ликбез по теме полиамории. Скажу только в двух словах, что это веяние широко обсуждается в англоязычном мире и в основном в нем же и происходит. К полиамории «прикручена» огромная идеология. Обсуждаются, в первую очередь, такие аспекты полиамории, как открытость, инклюзивность, честность и другие этические принципы. Движение интересно тем, что пытается выработать само в себе и само для себя новую этику отношений в силу того, что этика традиционных отношений не описывает нынешнего субъекта этических отношений в принципе. Предполагается, что если люди живут вдвоем и в браке, тогда все, происходящее за его пределами, — это уже измена и разные другие плохие слова. Многим не хочется определять себя при помощи негативных и ненормативных слов, а хочется описать свои отношения в этических категориях, хочется быть этическим субъектом. Мне кажется, что-то происходит с этим самым аморальным субъектом, который произошел от Ницше после «смерти Бога». Этот

аморальный субъект больше не хочет, чтобы его считали или называли аморальным, не хочет определять себя через традиционную мораль.

Далее мне хотелось бы поделиться размышлениями по поводу того, как я сейчас представляю себе эту самую полиамиорию. А именно как попытку вернуться к райскому языку в ситуации вавилонского смешения [языков]. Грубо говоря, людей было двое, они неплохо понимали друг друга, мы думаем, что у них был некий райский язык, на котором они говорили. В последующем их низвергли, затем был потоп. И вот, после потопа потомки Ноя решили построить Вавилонскую башню, учредить некий человеческий фаллос — это башня, направленная к богу.

Самому с собой сложно договориться, и вдвоем договориться сложно, но гораздо сложнее договориться, когда людей больше двух. И все-таки, когда мы постулируем эту попытку говорить на райском языке «внесколькером», что мы при этом получаем? Мы получаем трудности перевода со всех языков на все другие, получаем некую жизнь в отсутствие власти, в отсутствие башни, в отсутствие бога.

На этом я пока остановлюсь. Может быть, кто-то захочет продолжить?

Артемию Магун: Мне кажется, что Оксана Тимофеева в какой-то момент выступила в социальных сетях как антагонист этой концепции, которая, правда, в первом чтении звучала несколько иначе. Про рай в ней ничего не было, но зато была концепция полиамиории как новых коллективных отношений. Оксана Тимофеева, как бы с высот своего понимания любви, высказалась категорически против этой концепции. Хотелось бы услышать ее аргументы.

Оксана Тимофеева: Не могу сказать, что я против категорически. Признаюсь, однако, что моей первой реакцией на идею полиамиории как возможной позитивной программы действительно было сопротивление. И неожиданно для себя самой я вдруг оказалась на крайне непопулярной стороне защиты традиционных институтов, связанных с традиционными же ритуальными практиками, такими как моногамный брак, куртуазная любовь, романтическая любовь и т. д. А учитывая то, какую репрессивную функцию эти институты могут выполнять в обществе — в частности, в современном российском обществе, — оказалась в роли адвоката дьявола.

Вопросами любви и сексуальности я интересуюсь на протяжении многих лет, причем скорее теоретически, нежели практически. И вот, чисто теоретически, я часто задаю вопрос: «Какой будет любовь при коммунизме»? Это очень важный вопрос, он касается основ нашего бытия. Предположим, мы живем в обществе, где разрешены основные антагонизмы, характерные для общества капитали-

стического — связанные с деньгами, эксплуатацией, отчужденным трудом, социальной несправедливостью и т. д. Будет ли это означать, что у нас началась легкая, райская жизнь, лишенная любых противоречий? Мне кажется, нет: если снимутся навязанные капиталом экономические противоречия, обнажатся как раз глубинные, базовые антагонизмы человеческого существования, и нам нужно будет понять, что делать с такими вещами, как смерть, болезнь, ревность.

Предположим, в нашем свободном обществе — свободная любовь. И вот вы полюбили товарища, а он вас — нет, он любит другого товарища. Должен ли он полюбить вас в ответ, а вы за это того другого товарища, которого он уже любит? Вы уже не сможете бежать в рутину неизбежного наемного труда от боли, которую причиняет вдруг обнажившаяся пустота безответной любви. Напротив, вас будет ждать неотчужденное свободное творчество, которое, возможно, только усугубит эти страдания. Идеи освобождения любви и сексуальности давно вызывают у меня сомнения. Вильгельм Райх, описывая русскую революцию, сетовал на то, что в Советском Союзе за политической революцией не последовало сексуальной эмансипации. Сегодня же мы можем обратить внимание на то, что и за сексуальной революцией 1960-х гг. в Европе и Америке не последовало, в свою очередь, революции политической (а значит, одно необязательно предполагает другое).

Разнообразные модели освобожденной сексуальности, которыми радуется нас либерально-демократическое общество, являют собой завоевания этой сексуальной революции. Однако, на мой взгляд, радикальная эмансипация субъекта связана с необходимостью пройти через негативность любви, ревности и связанных с ними ритуалов и аффектов. Надо научиться любить хотя бы одного человека, прежде чем приступать к выстраиванию отношений со многими. Более того, в каком-то смысле, в обществе, в котором мы живем, у нас, может быть, по-настоящему еще и не было сексуальных отношений, мы все в каком-то смысле все еще невинны. Мы еще не были субъектами того трансформирующего события, которое, как поцелуй принца, превращает лягушку в царевну. Невозможный горизонт коммунизма связан для меня именно с таким трансформирующим событием, с гипотетическим первым поцелуем, которого мы все время ждем, и в смутном ожидании которого мы попросту мастурбируем в одиночестве или рядом с такими же одиночками, как мы. Наши отношения в капиталистическом мире таковы, что и наши партнеры воспринимаются в контексте каких-то частичных объектов, органов, экономических функций. Само слово «партнер» — из капиталистического мира.

Артемий Магун: Это была такая, как мне кажется, историческая теория любви. Я могу себе представить, как будет выглядеть обес-

сивная теория любви: «Почему все меня любят?! Кругом любовь! Не пора ли уже перейти к дружбе?»

Оксана Тимофеева: А почему истерическая?

Артемий Магун: Ну как? В ней слышится следующее воззвание: «Нигде нет любви настоящей. Где она? Пойдем ее искать!»

Елена Костылева: Я хотела бы добавить буквально три слова. Хочется сразу же и согласиться, и не согласиться. Во-первых, мы верим в, так сказать, психоаналитический коммунизм, где все это уже пройдено, где в процессе анализа ты уже прошел моногамную любовь и научился-таки любить одного. Конечно, чаще всего полиамористами становятся «от хорошей жизни», в том смысле, что существует несколько стадий становления полиаморной идентичности. Среди них стадии моногамные — это совершенно необходимый этап на пути к полиамории, как говорят полиамористы. Но на самом деле, мне не близка ваша теория в целом, потому что, как мне кажется, вы предполагаете, что полиамория связана с некоторым упрощением и уплощением чувств, когда вы говорите: «Так сложно с одним, а тут еще нужно и с несколькими...». Усложнением и техническим, и как будто бы упрощением внутренним и какой-то неглубиной. В отношении этого я и хотела бы высказаться.

Мне кажется, что полиамория не несет в себе автоматического упрощения чувств или отношений. Опять же, если мы будем продолжать эту линию упрощений, то мы придем к животным. Вопрос в том, является ли полиамория высшей формой семьи или наоборот — примитивной формой семьи? Я об этом много говорила в своем докладе.

Артемий Магун: Был еще один очень интересный момент в исходном докладе Елены. В качестве контрпримера можно привести случай коммуны, которая была создана венскими акционистами вокруг Отто Мюля в 1960-х гг. Ее часто приводят в пример противники полиамории. Коммуна была большой, и поначалу это был успех. Коммунары построили определенную стабильную институцию, но кончилось все своеобразной первобытной ордой по Фрейдю, где Отто Мюль был единственным желанным мужчиной и имел право на всех женщин. Если женщинам не хотелось иметь отношений с другими мужчинами, то нужно было выстраиваться в очередь к этому самому Отто Мюлю, который, когда стал постарше, начал этим пользоваться и, в конце концов, сел в тюрьму за педофилию, принуждение к сексуальной связи и т. д.

Это грустная история, и она современными политкорректными европейцами упоминается вот в какой связи: якобы под знаком

эмансипации — то, о чем как раз говорила Оксана, — мы фактически получаем тиранию сильных, причем сильных в социальном смысле, то есть мужчин. И поэтому полиамория дурна с точки зрения феминизма. Это на самом деле довольно хитрый путь угнетения женщин, и Отто Мюль фактически получил гарем через всю эту болтовню про полиаморию. Можно ведь считать и так. Я сам так не считаю, но вот вам, что называется, еще один «адвокат дьявола».

Елена Костылева: В полиаморию заложена неиерархичность в качестве базового принципа...

Артемий Магун: Вот и у них тоже была заложена. Только когда у тебя формально неиерархичность, то неформально получается иерархичность.

Елена Костылева: Может быть, это скорее уже практический вопрос?

Артемий Магун: Нет-нет, мне кажется, это вопрос абсолютно принципиальный.

Елена Костылева: Тогда это вопрос о человеческой природе. Задумается над тем, что такое любовь или например, что такое несчастная любовь, о которой только что Оксана говорила как о такой высокой, платонической форме любви. Полиамористы считают, что, не проанализировав отношения власти, фактора власти в отношениях, невозможно говорить ни о какой любви.

Артемий Магун: Хорошо. Но как ты проанализируешь фактор власти?

Елена Костылева: Я вообще пришла к выводу, что любовь это и есть власть.

Артемий Магун: Правильно, я тут с тобой согласен. Следовательно, ты не можешь вокруг любви выстроить анархическую коммуны.

Елена Костылева: Вокруг любви — не можешь...

Артемий Магун: Отлично. Получается, что эта коммуна должна быть иерархической структурой.

Йозель Регев: В общем-то, это похоже на принцип демократического централизма.

Артемий Магун: Структурно, да. Другое дело, как именно она структурирована. Хотел бы кто-то из еще не говоривших высказаться?

Йозель Регев: Я продолжу тему любви и секса при коммунизме и даже, возможно, попытаюсь обозначить некоторые контуры позитивной программы секса будущего — секса, о котором мы еще практически ничего не знаем или только начинаем узнавать.

В концепции полиамории мне представляются подозрительными два момента. С одной стороны, не столько даже упрощение чувств (потому что я понимаю, что совсем не обязательно чувства упрощаются), сколько некоторая бесконфликтность. Представляется, что все конфликты являются результатом каких-либо предрассудков, от которых можно избавиться. Второй момент, который мне кажется сомнительным — момент морализаторско-прескриптивный. Предполагается, что достаточно простого морального предписания субъекту: «Избавься от ревности, избавься от предрассудков!», — и если субъект совершит это требующееся от него волевое усилие, то все будет в порядке. Мне кажется, что тут стоит анализировать не столько отношения власти, сколько экономическую структуру. Я бы хотел предложить то, что представляется мне большевистским подходом к проблеме современной сексуальности. Ленин, в частности, выступает против двух крайностей. С одной стороны, полиамория кажется таким очевидным — и никто, кажется, этого не скрывает — анархистским проектом. Такой проект предполагает, что аппарат государства, отношения власти можно взять и отменить волевым усилием. С другой стороны, оппортунисты разного рода, ревизионисты и меньшевики предлагают оставаться внутри существующих государственных аппаратов и, внедряясь в них, производить некоторые микроизменения, которые в перспективе, путем реформ, возможно, приведут к изменению общего состояния государства.

Мне кажется, что в отношении современной сексуальности эти два полюса очевидным образом представлены, с одной стороны, в полиамории — анархистском проекте отмены института брака, института моногамии, а с другой, в такой практике, как адюльтер — супружеской измене, которая выглядит как типичный меньшевизм.

Артемий Магун: Борьба переносится на уровень гражданского общества.

Йозель Регев: Да. И что, собственно, говорит Ленин по поводу этих концепций? Ленин говорит, что обе концепции основаны на непонимании того, что дело не в аппарате государства. Да, они некоторым образом относятся первично к аппарату государства как к аппарату принуждения. Но на самом деле аппарат принуждения ба-

зируется на некоей экономической реальности. Изменив эту экономическую реальность, можно затем каким-то образом манипулировать государством. Точно так же, мне кажется, и здесь, в области сексуальности, необходимо, прежде всего, изменить некоторую экономическую (либидинально-экономическую, по замечанию Елены Костылевой) ситуацию. Или, я бы сказал, онтологически-экономическую ситуацию. Некоторую экономику распределения реальности, которая дает о себе знать и либидинально, и непосредственно социально-экономически. Мне представляется, что эта экономика наилучшим образом выражается в сцене из фильма «Географ глобус пропил». Этот фильм прекрасно проясняет проблему современной сексуальности. В центре его сюжета то, как герой не занимается сексом. Причем, в аристотелевских терминах, это не отсутствие, а именно лишенность. Он не занимается сексом не потому, что он вообще не собирается заниматься сексом, а собирается заниматься чем-то другим, он не занимается сексом именно в тех ситуациях, в которых он, вообще-то говоря, должен был бы им заниматься, но не занимается. Сначала он не занимается сексом с женой, потом он не занимается сексом со своей ученицей. А главной сценой, в которой происходит как раз ключевое выявление истины современной экономики сексуальности, является та, в которой он занимается сексом, но не кончает при этом. И это подчеркивается. Когда он объясняет, почему он не кончает, отвечая женщине, которая говорит ему, что ей его жалко (что он не кончил), он высказывает истину современного секса. Истину этой экономики, которую и нужно преобразовать. Он говорит примерно следующее: «Я вообще хочу быть святым». Что значит «быть святым»? [Продолжает]: «Я хочу, чтобы никакой человек не становился залогом моего счастья, никакой человек не становился залогом моей значимости». Мне кажется, что это истина сексуальной экономики — она и есть тот момент, который должен быть изменен.

Какая-либо трансформация отношений сексуальности возможна только при условии, что будет изменена вся структура субъективности, когда субъект постоянно ищет нечто, что даст ему некоторую онтологическую фундированность, в которой перед субъектом стоит некая невыполнимая задача, и которую он тем не менее должен постоянно выполнять: обрести некоторую значимость и стать чем-то, при том что на самом деле он сделаться ничем не может, потому что лишен всякой субстанциальности и определенности.

Невозможно просто отказаться от того, чтобы придавать сексуальности онтологическую ценность, потому что единственный путь от этого отказаться — это сделать секс незначимым. Мне кажется, что это неверный путь. Поскольку сексуальность является в некотором смысле решающим оружием и решающим инструментом в преобразовании реальности.

Я хочу описать, как, с моей точки зрения, может выглядеть эта преобразованная сексуальность. Для этого, понятно, необходимо изменение всей структуры субъективности, вообще всей структуры реальности, в центре которой стоит фигура имманентного невозможного. Я сейчас не буду излагать все этапы этого изменения. Скажу только, что в рамках этой перемены, как мне представляется, должно сделаться возможным восприятие как субстанциального, как объективно существующего континуума того, что происходит с субъектом. Континуума тех точек, через которые следует субъект, тех событий, тех задач, которые он встречает на жизненном пути, не смотря на то, что они связаны друг с другом только этой траекторией его следования. Чтобы было понятнее, что я имею в виду, скажу, что это действительно близко — не зря мы тут говорили про святость — к традиционной религиозной, каббалистической, например, модели человека, который живет для того, чтобы поднимать искры святости из оболочек нечистоты. Ведь все события, происходящие с этим человеком, и, прежде всего, любая сексуальная связь, в которую этот человек вступает, любой сексуальный акт — это акт поднятия искр святости из оболочек нечистоты.

Артемиий Магун: Это «Теорема» Пазолини.

Йозель Регев: Да, это «Теорема» Пазолини. Это, с другой стороны, многие фильмы Ромера. Лозунгом такого рода понимания сексуальности, я бы сказал, является фраза героя фильма «Моя ночь у Мод» (1969), который говорит: «Каждая женщина — это новая моральная задача». Я думаю, что слово «моральная» здесь лишнее. И понятно, что это совсем не обязательно женщина.

Елена Костылева: Почему, кстати, лишнее?

Йозель Регев: Потому что, мне кажется, что это сужение. На самом деле это новая онтологическая задача. Это задача по преобразованию реальности, а не задача по преобразованию человека. Я имею в виду, вполне серьезно, что к сексу в будущем коммунистическом обществе мы сможем относиться примерно как у Дэвида Зинделла в фантастическом романе про орден пилотов-математиков, которые передвигаются в субпространстве благодаря тому, что соединяются с компьютерными системами корабля; они решают математические теоремы. По мере того как они решают математические теоремы, они передвигаются в пространстве. Само решение и есть передвижение. И всегда существует возможность потеряться в бесконечной тупиковой ветви доказательств, тогда они навсегда остаются в своем пространстве и никогда оттуда не выходят.

Мне кажется, что будущая сексуальность — и я совершенно буквально имею это в виду — как раз является средством преобразования реальности, она позволяет передвигаться в реальности. Передвигаться, передвигая саму реальность, размыкая ситуации, перенося нас в ситуации, в которых делается возможным то, что было невозможно прежде. Собственно, это главный постулат материалистической диалектики. То, что мы можем понять, то, что мы можем сделать, определяется условиями ситуации, в которой мы находимся. Мне представляется, что коммунистическая сексуальность — это сексуальность, размыкающая ситуации, меняющая условия, в которых мы находимся, и делающая возможным понимание, знание и действия, которые были невозможны в предыдущих ситуациях. Именно поэтому каждый новый партнер — это новая задача, новый способ размыкания ситуации, новый способ перемещения. У Хемингуэя в романе «По ком звонит колокол» цыганка, описывая сексуальный акт между героями, говорит: «Земля плыла». Это превращение. Она говорит, что такое бывает три раза в жизни. Но три раза такое бывает в нынешнем капиталистическом обществе, а в коммунистическом обществе, я считаю, это должно случаться каждый раз. Настоящий коммунистический секс — это секс, в котором земля плывет каждый раз. Каждый сексуальный акт приводит к преобразованию и размыканию.

Артемий Магун: Вы, Йозель — весьма мистический философ.

Йозель Регев: Да, но тут надо подчеркнуть, что это, безусловно, связано с отменой всякого рода воли и предопределения. Это подход без фигуры бога, без фигуры высшего. Это и есть, собственно, основной онтологический переворот, который должен быть совершен, — позволить мышление такого рода реальности без того, чтобы была фигура направляющего, неважно как этот направляющий называется: бог, воля, закон.

Вопрос из зала: Йозель, разве сейчас не так работает сексуальность, хотя бы отчасти?

Йозель Регев: Конечно, поскольку вообще в капитализме присутствуют некоторые элементы будущего коммунистического общества. Она так работает, но эта ее работа блокируется в современных условиях существования тем, что мы на самом деле с большим трудом можем мыслить подобную сексуальность как реальную. Когда я это говорю, какого рода мысли появляются у человека? «Наверное, это все просто так — какие-то там метафоры; это все не настоящему». Вот именно это «не настоящему» и должно быть, как мне кажется, изменено в результате новой экономики.

Артемий Магун: Это интересный резонанс с тем, что говорила Оксана.

Йозель Регев: Да, безусловно, это резонанс.

Константин Шавловский: Короткий вопрос. Прошу прощения, что вторгаюсь, просто не могу молчать. Как вообще то, что вы говорите, противоречит теории полиамории? Я в ней не специалист, но еще летом о ней много говорили. Говорили, в частности, о том, что каждый является центром своих полиаморических отношений. Это не некая замкнутая коллективность, которая удаляется, как коммуна, которая уплывает на корабле. Это и есть то, что вы говорите, — путь, который проходит каждый сам по себе, просто каждый взрыхляет эту свою реальность в соответствии с собственной траекторией. Это и есть полиамория в моем понимании.

Галина Рымбу: Может быть, здесь перед нами проблема «центра»?

Константин Шавловский: Каждый является центром себя. Также как каждый является субъектом. И все. Нет никакого коллективного субъекта. Может быть, и есть, но это уже какая-то сложная отдельная история.

Артемий Магун: Счастлив тот, у кого центр — в себе, но часто ли мы встречаем таких людей?

Йозель Регев: Это в некотором смысле противоречит принципу умножения любви. Скорее даже не противоречит, а лишает его основополагающего качества. Здесь основным критерием является: «Сколько задач — столько партнеров». Нет необходимости чрезмерно увеличивать партнеров, но нет необходимости также и уменьшать. В целом, я думаю, что будущий коммунистический секс сохраняет в себе — так же, как большевизм, — левый и правый уклоны и генеральную линию, которая на самом деле существует только как лавирование между этими уклонами. Безусловно, в коммунистическом сексе присутствует, в несколько трансформированном виде, то, к чему стремится полиамория. Я только хочу сказать, что она может реализовать это свое стремление лишь при условии изменения экономики. Только при таком условии мы реально сможем воспринимать сексуальный акт как решение некоей задачи, как изменение себя.

Артемий Магун: Воспринимать можно все, что угодно. А как он станет решением задач?

Йозель Регев: Сама реальность должна быть трансформирована таким образом, чтобы это ее изменение воспринималось как значимое. То есть верно, что и сейчас он эту задачу в каком-то смысле решает, но мы от этого решения отделены, потому что нынешняя реальность подчиняет это решение отчуждающим представлениям о том, что реально, а что не реально.

Сейчас, когда мы спрашиваем человека, чем он занимается, а он отвечает: «Я прояснял», мы не воспримем в обычных условиях этот ответ как серьезный. Мы спросим: «Ну а что ты собственно сделал? Что ты создал? Каковы были результаты твоего прояснения?» Изменение, о котором я говорю, должно быть в мире, который приводит к тому, что человек проясняющий занимает место человека создающего в качестве центральной фигуры этой реальности. Прояснение действительно делается онтологически существующим, субстанциональным.

Мне кажется, что полиамория тут присутствует, как присутствует и второй уклон — сохраненная моногамия. Эти различные задачи небесконфликтны. Между ними действительно существует иерархия. Каждая из этих задач претендует на то, чтобы подчинять себе всю полноту реальности. Существует постоянная борьба между задачами, каждая из которых претендует на то, чтобы быть главной, более важной, чем остальные. Это реальный конфликт. Возможно, это не противоречит каким-то формам полиамории, но, в принципе, насколько я себе представляю полиаморию, она предполагает, что не должно быть никакого конфликта.

Константин Шавловский: Нет. Это было бы глупо, конечно, думать, что можно вот так просто взять и отменить ревность. Так не бывает.

Елена Костылева: Йозель критикует полиаморию за утопичность: как же мы сейчас скажем, что избавимся от ревности, — и якобы избавимся. Но в то же время вы вместо этой предлагаете другую утопию. Хотя ваша утопия, конечно, я бы сказала, интереснее, потому что, действительно, то, что мы знаем о полиамории, мы знаем просто из базовых правил поведения, которые в ней обсуждаются. Философия там есть, но, вообще говоря, философия — это такая вещь, которая может быть где угодно. Поэтому она есть и там — и в связи с этим, и в связи с тем.

Меня зацепил вот какой момент. Дело в том, что вы говорили о бытии, об онтологии. Мне недавно попалась цитата из Лакана, где он говорит о том, что измерение бытия возникает в русле дискурса господина. Связано это с тем, что сам глагол «есть» — императив: я скажу, что нечто есть, — и оно будет. Или я скажу, что коммунизм будет, — и он будет. Это дискурс господина, как бы определяющий и

постулирующий бытие (по Лакану). Я снова к вопросу о власти, а следовательно, и о любви. Как говорит Артем, мир — он и сам крутится. Зачем мне чувствовать, что это я кручу его?

Галина Рымбу: Мне довольно сложно будет сказать что-то решительно иное после таких пассажей, поскольку я вижу, что дискуссия выстроилась вокруг нагнетания противоречий между полиаморическим видом отношений и моногамным. Мне же представляется, что оба эти типа отношений настолько удовлетворяют логике сегодняшнего капиталистического сетевого общества, что следовать им как в личном (практическом) ключе, так и в утопическом направлении кажется странным, если не «роскошным». Оба этих вида отношений в «чистом виде» представляют собой некоторую роскошь внутри того драматического любовно-политического конфликта, который все яснее виден сегодня и ведет к серьезному изменению в структурах самого желания, в понимании любви. Причем он виден как в отношениях самых незащищенных групп бедняков, прекариев (частично) и пролетариев (которые формально продолжают придерживаться моногамии), так и в отношениях среднего класса и даже элит, которые могут себе позволить роскошества в виде полиамории или различных более открытых отношений. Моногамия — это уже непозволительная роскошь для первых, так как в условиях тотальной бедности и социальной незащищенности содержать моногамную семью и детей становится все сложнее. Открытые отношения — роскошь для вторых, однако они вроде бы могут ее себе позволить. Ведь если речь идет о браках (здесь можно признавать полиаморный брак так же, как и моногамный), то едва ли можно придерживаться невинно-чувственного дискурса, так как отношения — это не только чувства, но еще и общий быт, выживание, борьба: время и деньги.

Таким образом, борьба за моногамию и борьба за полиамиорию — это борьба не только чувственная, но и борьба с капиталом. И она вполне удовлетворяет этот последний, поскольку прекрасно вписывается в его логику — логику избытка и нехватки. Мы понимаем, что в сегодняшнем мире выгодны как автономные, локальные единицы, так и единицы преумножающие, сетевые. И тем и другим в обществе потребления («поедания» чувств) найдется свое место. Моногамные союзы ассоциируются с автономностью, изолированностью, стремлением оградиться от избыточности секса, предлагаемой нам ежедневно и навязываемой медиальными структурами фактически насильно. С другой стороны, такой союз структурирует и нехватка: ограниченность выбора и воли (так что адюльтер становится не менее, а все более драматичным) вместе с недостатком новых «смыслов» для такого рода отношений, для их внутренней легитимации.

Различные более открытые союзы движутся к умножению наслаждения, к созданию ради этого наслаждения новых связей и миров, отчасти потому, что не в силах справиться с моногамной внутренней нехваткой смыслов, а отчасти и потому, что их некоторым образом гипнотизируют образы «избытка». Но это движение не является диалектическим, на мой взгляд, так как в нем нет никакого снятия, а есть только очевидное напряжение готового рухнуть «старого мира Желания». Это Желание — платоновская «пружина любви», иллюзорная бесконечность, натянутая, так или иначе, между двумя концами конечного: Двоица, от которой не избавиться так просто, — в этом смысле даже если вас пятеро и вы, на первый взгляд, легитимная множественность, вас всегда будет Два. Не в банальном смысле два, когда в итоге все разбиваются на пары, кто-то останется лишним или вообще «выживают» только двое, а в том смысле, в каком о любовной Двоице пишет Бадью.

«Натяжение» пружины Желания обусловлено, с одной стороны, открытостью, стремлением к слиянию (за которой маячит тень Реального), а с другой — некоей «закодированной» невозможностью, которая никакому Одному (идеалистически слитому союзу) на самом деле не дает приватного доступа. Это хитрая пружина. Она может натягиваться между Двумя даже в условиях тотальной пустынности секса, в отсутствие секса и в отсутствие субъекта любовных отношений (а его в каком-то смысле всегда еще нет). Однако похоже, что это натяжение не может более структурировать сегодняшнюю чувственность, оно должно разорваться, лопнуть. Но как-то качественно иначе, отлично от той разорванности, которая заложена в нем самом. И тогда любовь в любом из возможных сегодня пониманий ее перестанет существовать. При этом совсем не факт, что мы получим то общество, о котором говорит Йозель: где каждый новый партнер (мужчина, женщина, квир, животное, растение, предмет) будет являться новой задачей. Возможно, не будет того, кто смог бы и вообще был бы должен эти задачи решать.

Я вообще думаю о том, что, конечно, все, что касается чувств к другому — это какая-то незадача (прямо в смысле «Вот незадача-то!»). Любая задача предполагает конечность, в любой телеологии есть возвращение к началу, это тот же коррелятивный круг (пусть и фрактальный) и отчасти проективная логика. Получается, здесь все, кто были моими любовниками-задачами, вернутся ко мне (как в песне Козна) — это апокалипсис! И я все равно вижу в этом сетевую логику, да, более сложную, более конспиративную, более конфликтную и напряженную, но насколько революционную? Ведь когда мы подразумеваем, что другой, любовь — это задача, которая может быть решена, не лукавим ли мы?

Я думаю, что в (новой) любви не может быть ничего решено, ты не можешь вообще ничего здесь решить, поскольку она существует

не для решений. Логика решительности — это логика силы. Я бы предложила мыслить любовь вообще вне этой силовой логики решительности. Не то чтобы я против левой милитантности, борьбы, политики, решений. Но кажется, что если в этой области (секса и любви) и допустимо что-то такое, то оно неизбежно будет сопротивляться силе: в каком-то смысле также как Сорель противопоставляет силе как порядку насилие (пролетарскую стачку, разрушающую этот порядок силы). Если нам зачем-то и нужна любовь к другому, так это для того, чтобы постоянно ниспровергать и подвергать сомнению всю эту гегемонную диалектику сильного решения, ее операциональность.

Очень сложно отказаться от любви как от силы, ведь всем известно, что любовь — это то, что дает нам эту силу, вдохновение для взятия и порабощения Трои (и здесь, конечно, заложен корень зла). Сказать себе сегодня, что любовь — это дело по утверждению бессилия, возможно, и есть избрание революционного пути, который также может быть тактикой сопротивления. Этот сорелевский боевой пессимизм, который я предлагаю перенести на любовный опыт, открывает много возможностей. Есть ли здесь место для романтики? Для меня крайний образец романтизма — атомная бомба-идеалистка. Не хотелось бы дарить ей цветы (помните пацифистов с цветами? — но бомба ведь этого и хочет — цветов и поцелуев). Романтическая любовь и атомная бомба связаны страшным образом. И я бы не хотела иметь что-то общее с этим.

Что касается куртуазной любви в целом, то я думаю, что все мы в той или иной степени чувствуем, что никак не можем найти себя в этой любви, этот субъект утерян. Его становление происходило одновременно вместе с прокачанным светским богом и против него (кстати, характерно, что трубадурство быстро исчезло, его съел Лютер из будущего). Сегодня мы имеем призрачность куртуазной любви. Здесь можно вспомнить «Дилемму призрака» Мейясу: напряженная призрачность сегодняшнего мира происходит из-за того, что мы уже не можем жить так, как будто бы бог есть, но не можем жить и так, как будто его нет, поэтому Мейясу предлагает жить так, как будто бы бога *еще нет*. Это очень похоже на любовь в утопическом (Блох) и отчасти в моем понимании: субъект любовный, да и какой угодно — это тот, кого еще нет. Но сейчас я не хочу любить этого призрака, не хочу мириться с ним, я хочу любить твое тело, но, чур, пусть это все же не будет тело Христа. Заняться существующим бессильным сексом, не исключая, что может возникнуть какой-то еще.

Константин Шавловский: Странная критика полиаморического наслаждения наслаждением бессилием.

Галина Рымбу: Это не наслаждение. Это я бессильна перед вами.

Артемий Магун: Это, возможно, и есть уже упомянутый нами обсессивный тип любви.

Йозель Регев: Совсем коротко по поводу двух пунктов. Прежде всего, по поводу субъекта и задачи. Безусловно, я не имел в виду, что существует некоторый субъект, который решает задачи. Наоборот, субъект только и определяется из этого континуума задач, которые он решает. То есть, во-первых, я и есть тот, содержание которого каждый раз изменяется новыми задачами, перед ним встающими. Во-вторых, конечно же, совершенно непонятно, что это за задачи. Вообще главной задачей является понять, что это вообще такое было, что это за задача. И решением этой задачи является понимание того, что это было. Но как только ты ее решаешь, она исчезает и появляется новая.

Артемий Магун: Все высказались?

Оксана Тимофеева: У меня еще есть комментарий. Мне бы хотелось предостеречь от представления, будто мы здесь обсуждаем некий реально существующий выбор между двумя типами отношений. На самом деле, я полагаю, задача такого выбора перед нами не стоит, поскольку и те и другие равно невозможны. Резюмируя то, что было сказано: при данных конкретных капиталистических отношениях проблематична сама близость с другим человеком или людьми. Что действительно важно, так это то, какие подходы к решению этой проблемы мы вырабатываем. Решение, предлагаемое Леной, связано с постепенной активной трансформацией субъекта, которая непосредственно должна осуществляться через некие экспериментальные практики выстраивания любовных отношений. Йозель же говорит, что сначала нужно трансформировать общество, обеспечить соответствующие социально-экономические условия, более того, создать такую онтологию, при которой только и возникнет новый субъект, чтобы испытать новые чувства.

В принципе, я согласна с этой последней онтологической и социально-экономической генеральной линией. Если ее несколько радикализировать, может получиться, что сначала нужно построить коммунизм, а потом уже заниматься любовью. Примерно так ведут себя некоторые герои Андрея Платонова — они буквально воздерживаются от близости, пока не создадут счастливое общество. С другой стороны, что меня настораживает в позиции Йозеля — это своего рода футуризм. Мое собственное видение будущего, мое видение коммунизма, связано с диалектической ретроспекцией, с моментом припоминания или забвения, оглядкой назад. Я верю не в будущего субъекта, а в такого, который есть сейчас с его ревностью, страданием, бессилием, отчуждением, с его бессознательной родовой памя-

тью и негативностью, потенциал которой еще не раскрыт. Именно на стороне этой родовой памяти я помещаю горизонт коммунистического общества. Говоря, предположим, о романтической или куртуазной любви, я имею в виду ту другую сторону этих отношений, которая не раскрыла себя, потому что ей тесно на этом рынке. Влюбленный ревнивец убивает возлюбленного в порыве страсти, но такой же ревнивец пишет «В поисках утраченного времени», создает произведения, летит в космос, — его желание находит самые разные пути.

В свое время Александра Коллонтай приводила в пример средневековую куртуазную любовь как своего рода репетицию будущей коммунистической любви. Ее идея была в том, что мы пока еще не построили социалистическое общество, у нас нет возможности по настоящему выстраивать искренние любовные отношения с нашими товарищами, однако куртуазная любовь дана нам как возможность подготовить себя к любви-товариществу посредством игры, ритуала, перформативного выстраивания линии потенциальных отношений, связанных с крылатым Эросом. То есть уже имеющиеся модели на что-то годны, и на их основе можно строить что-то новое.

В полиамории как позитивной программе, которая кажется более реалистической, потому что она не требует преобразования общества, а тем более всего бытия, но только реформирования, собственно, традиционного института брака, меня смущает такой упомянутый Леной аспект, как инклюзивность и открытость. Все, конечно, понимают, что включенность и открытость — это хорошо, а исключенность и закрытость — плохо, потому что современная либеральная демократия учит нас тому, что все должно быть обязательно открыто, как немецкий парламент: вы видите купол Рейхстага, вы можете даже, наверное, в бинокль увидеть, как Ангела Меркель открывает рот. Субъект открытого общества выставлен напоказ. Так и не реализованный потенциал, в частности, романтической любви сопротивляется по-своему этому императиву полной открытости и рациональности, но его сопротивление представляется злом и ассоциируется с опасностью, обманом и ложью. Человеческое существо интуитивно исследует область по ту сторону морали, чтобы обнаружить там стихию сопротивления обществу тотальной выставленности напоказ, обществу, с одной стороны, либеральной демократии, а с другой — капиталистической несправедливости, где все одиноки. Да, здесь все открыто, но верните мне право на тайну, на мое собственное внутреннее «зло», следуя истерическими дорогами которого, я, может быть, когда-нибудь все-таки встречу другого или других, встречу свою любовь.

Галина Рымбу: Хочу добавить еще одну реплику. Мне кажется, что когда мы говорим о некоей моногамии, о любви между двумя, то

мы как-то забываем, что именно любви между двумя не бывает. В любых отношениях между этими двумя всегда есть виртуальный третий, четвертый, пятый, их довольно много. Так что, если вам в какой-то момент кажется, что вы остались со своим партером наедине, значит, вы просто сошли с ума. Чистые двое — это как раз ситуация перверсивная, безумная, такого вообще не может быть. С другой стороны, это дает новое понимание того, почему некоторым «парам» годами, десятилетиями не скучно вдвоем, даже без детей — возможно, им есть о чем поговорить со своими многими. Это все стародавний обман: не может быть отношений между двумя, потому что никаких двух не существует. Проще остаться одному.

Артемий Магун: Но тогда по-другому это все надо и подавать. То есть если мы принимаем, что диада невозможна, то зачем тогда вся эта ритуальная риторика относительно отдачи друг другу...

Я также хотел бы ответить Оксане. В том, что ты говоришь, есть и сознательный пласт, и бессознательный. Ты говоришь, что ты против полиамории, потому что есть ревность и т. д., но ведь ревность — это и есть скрытая полиамория. Известный анализ случая Доры у Фрейда показывает: кажется, что Дора любит старшего мужчину, но если копнуть, то выясняется, что она любит его жену. Это чувство она не может выразить, просто не принимает его. Поэтому она проецирует свою любовь более стандартно на мужчину, а чувство к женщине выливается наоборот — как ревность. Действительно, чувства такого рода демонстрируют невозможность диады. Но диада-то есть!

Здесь вопрос не в том, что «на самом деле» мы все полиаморны, а в институтах, то есть в том, как это зафиксировать. Это один момент. А второй момент, являющийся следствием первого, носит практический характер. А что, собственно, предлагается? Есть, скажем, конкретный институт — нуклеарная семья, которая не просто моногамна. Это такое устройство общества, которое состоит из домохозяйств, включающих пап, мам и двух-трех детей. То есть то, из чего и устроено наше общество. Но это относительно новый феномен, закрепившийся самое раннее в XX в. Причем характер нуклеарной семьи с тех пор менялся.

Идет ли речь о полиамории или поиске нового морального партнера — мы либо оставляем эту структуру, либо меняем. Если мы ее меняем, то хотелось бы у любителей коммунизма поинтересоваться, как? Известно, что изначально коммунистам вменяли общность жен. Ответ Маркса и Энгельса в «Манифесте» был примерно такой: про общность жен при коммунизме мы не знаем, но знаем, что общность жен уже наступила у буржуа, потому что у них процветает адюльтер. Зачем нам еще полиамория, когда уже есть адюльтер? Энгельс говорил, что если полиамория и так есть, то просто необходимо привести факты в соответствие с теорией. То есть, в принципе, они предлагали

в тот момент что-то похожее на промискуитет, но впоследствии разочаровались. У самого Энгельса был конкубинат с работницей, на которой он так никогда и не женился.

На самом деле, то, что все вы здесь говорите про секс — это характерно. Секс, конечно, очень важен. Но это все-таки наполнение некоего института, которым является, во-первых, семья, во-вторых, внебрачные связи вне семьи. Два института или две стороны одного института. А дальше уже все чувства как раз и происходят по этому поводу. Любовь обычно рассматривается как связанная каким-то образом с идеей совместного проживания. В принципе, есть сильные аргументы, что, возможно, все это правильно, нуклеарная семья естественна — детей же надо как-то воспитывать и т. д. С другой стороны, а что плохого в адюльтере? Это даже интересно. Людям в жизни не хватает какой-то изюминки, а тут они как-то укрываются от просвеченности публичной жизни, секреты заводят...

Оксана Тимофеева: Нет же, я совсем не об этом...

Артемий Магун: У меня более простой взгляд. Вы все очень умные, высококультурные авторы. А я хотел бы знать, что непосредственно планируется делать. Сегодня, завтра, на следующей неделе, через год... Когда ваша партия придет к власти или наоборот, скажем, если она принципиально не хочет к ней приходиться.

На мой взгляд, нужна трансформация нынешнего института семья/любовь. Этот институт неправильный. Он, действительно, как вы говорите, игнорирует какие-то важные вещи, связанные с бессознательным. И, кроме того, он сильно завязан на эмоциях двух людей. Кто сказал, что два человека — это оптимальная группа? По идее, скорее, три человека — идеальная группа — *tres faciunt collegium*, в группе нужна возможность арбитража конфликтов. Семьи, которые более или менее счастливы, спасаются тем, что у них есть дети, дети подрастают и образуется своего рода треугольник любви. Об этом тоже не надо забывать: ведь и дети — объекты и субъекты любви.

Триада — это что? Это нечетная структура, которая часто называется «любовным треугольником». Это значит, что имеется диада и появляется кто-то третий. И здесь непросто все происходит — ведь третий не то что бы совершенно внешний. Он входит в какие-то очень сложные отношения между этими людьми, и эти отношения совсем не всегда радостные. Его появление ведет либо к распаду семьи, либо к ее расширению. Вот эта триангуляция любви на самом деле все время происходит и, как мне кажется, может дать настоящую социальную связь, хотя в нынешней форме она есть сила скорее негативная, разрушительная.

У меня об этом написано кое-что в книге «Единство и одиночество». Два человека не могут находиться в одиночестве, если они

вместе, потому что они все время друг на друга завязаны. Они смотрят друг на друга: отсюда известная идея Сартра про объективирующий взгляд — если другой на тебя смотрит, ты больше не свободен. А что если при этом есть третий человек, который смотрит на того, который смотрит? По идее, это может иметь эмансипаторное значение.

Дмитрий Виленский: Артем, но там не всегда есть человек. Помнишь у Брехта “dritte Sache”, «общее дело»?

Артемий Магун: Да-да. Но мы сейчас говорим про социальные отношения.

Дмитрий Виленский: Он это вводил именно как «третью вещь».

Артемий Магун: Это отдельный разговор, очень интересный: насколько совместная деятельность может вообще снять момент короткого замыкания двух личностей. Может. Но если мы смотрим на сами отношения, то, как я уже говорил, коллективное одиночество, то есть момент возврата человека в свое открытое (свободное) существование, возможен как раз тогда, когда третий возникает в этих отношениях. Повторяю, обычно это работает через детей, но не факт, что только через детей. И понятно, что подобная система неустойчива.

Еще один момент. Дело в том, что нуклеарная семья не случайно является фундаментом капиталистического общества. Ведь это очень атомизированное общество. Но такое, где атомы все же не слишком страдают от своей негативности, не ощущают, что общество разорвано полностью (на атомы). Атомы все-таки объединяются в молекулы. Как, например, молекулы воды — H₂O: папа-мама-ребенок. В результате все общество находится не совсем в разрозненном, а, скорее, в жидком состоянии и его очень удобно куда-нибудь переливать. Для власти это очень удобно.

Что мы имеем сейчас? Мы имеем интенсивные эмоциональные связи на уровне диады (или триады-тетрады, плюс дети). Мы также имеем, конечно, гражданское общество. Но что такое гражданское общество? Это НКО, а в широком смысле также и КО, то есть бизнес-организации — организации с достаточно слабыми аффективными связями. Конечно, там можно найти интересные противоречия, когда эмоциональные связи все же возникают (а они, конечно, возникают), когда начинаются романы или дружба какая-нибудь очень крепкая, и от бизнесменов можно услышать: «Эта дружба угрожает нашему сообществу, потому что мы все делаем общее дело...»; или, наоборот, что капиталистические отношения ломают эту дружбу, и надо их с дружбой и любовью строго разводить. На самом деле с

аффектами в организациях идет борьба, и если эти связи появляются, они не формируют мощного коллективного кулака. Почему? Потому что эмоции эвакуируются в частную сферу, а частная сфера покоится на диадах.

В этом смысле, конечно, устройство общества из больших коммун было бы политически гораздо более интересным с точки зрения свободы и демократии, распределения власти в обществе — более или менее равномерного. Не то что эта нынешняя вода, и посередине ее Ноев ковчег национального государства... Так что тут есть о чем подумать в смысле реформы общества. Что же касается секса, столь вами любимого, то это, повторю, отдельный вопрос. Сначала организуйте институт. А потом уже решайте, как там будет происходить секс. Хотя, конечно, его тоже нельзя пускать на самотек. Потому что, если пустить секс в коммуне на самотек, то это будет Отто Мюль.

Дмитрий Виленский: То есть в естественных условиях все приходит именно к структуре гарема?

Артемий Магун: Да, как мне кажется. По крайней мере, есть большой риск.

У меня, разумеется, нет какого-либо продуманного плана. Нельзя жестко сказать, что в этой условной коммуне должны жить только моногамные семьи, просто они будут встречаться на кухне и вместе заниматься какой-либо деятельностью, воспитывать детей, а сексом они будут заниматься только по парам. В принципе, это возможная модель. Совершенно необязательно сексуальную революцию организовывать для того, чтобы создавать коммуны. Но по факту этого, конечно, обычно не получается. Мы все понимаем, что сетевые аффективные связи, если они формируются и мы не мешаем им формироваться, могут приводить к полиаморным структурам.

Мне кажется, что, как и в случае устройства общества, здесь нужно продумать какую-то символическую систему, которая бы делала этот тип отношений интересным и рациональным. Так же обстоит дело с демократией: нам кажется, что демократия — это либо та фикция, которую мы сегодня имеем, либо это просто масса народа, который вместе что-то решает. И когда мы говорим: «Больше демократии!», мы себе как раз и представляем эту решающую. То же самое с сексуальностью — либо это традиционная нуклеарная семья, либо масса каких-то людей, которые свободно, как атомы, образуют большие молекулы. Но подобные представления совершенно неадекватны понятию демократии. Демократия, в исходном античном понимании, — это, прежде всего, жребий. То есть система, где происходит символическое опосредование власти через фигуру жребия. И тогда, как учит нас Аристотель, происходит ротация: ты не можешь находиться постоянно в подчиненной позиции и не можешь находиться

постоянно во властной позиции. Они должны тем или иным образом чередоваться. Это игра. И именно эта демократическая система была забыта и оставлена в политике позднего Нового времени.

Есть, в лакановских терминах (извините), режим воображаемого. Режим воображаемого — это та же коммуна Отто Мюля. А над ним есть режим символического, где нейтрализованный символ позволяет удерживать многообразие и плюрализм отношений, плюрализм связей и т. д. Если семейно-сексуальная утопия может существовать, то она должна иметь такую сложную конституцию. Примерно как у Маркиза де Сада в его антиутопиях. Там это было жестоко и иерархично, но кто мешает организовать алеаторную систему общежития более эмансипаторно.

Дмитрий Виленский: А у Замятина в «Мы»?

Артемий Магун: Я тоже подумал о нем. У Замятина есть символическое опосредование. Поэтому вообще надо бы перечитать его, увидеть, где там утопия, а где антиутопия.

Итак, в этих коммунах, я думаю, сексуальность должна быть подвержена своеобразной алеаторной символике. Но, повторю, дело в данном случае не только в сексуальности, дело в общежитии. Почему вообще любовь и сексуальность стали нашей основной эмоцией, и почему именно о них мы все время говорим? В частности, потому, что институт сожительства и вообще социальные связи перестали быть символически опосредованными. Они непонятно зачем нужны людям. Ничто не удерживает тебя ни в браке, ни в свободных отношениях. Нет никакой традиции, моральной нормы. И именно поэтому все время ведется разговор об аффектах и о сексе как об их материальном гаранте. Ольга Меерсон написала недавно в фейсбуке по поводу очередной легализации гей-браков в США, что с браками-то проблем нет, но проблема в том, что для людей все менее возможно просто жить вместе, держаться за руки и даже просто долго разговаривать с человеком любого пола, без того, чтобы это не приобрело сексуальный смысл.

В чем проблема современной любви (в моей упомянутой «обсессивной» версии)? В том, что тебя атакуют любовью, где надо и где не надо, что ты должен постоянно кого-то любить. А почему? Потому что иначе не работают институты повседневной социальности. Эти институты настолько слабы, что они держатся только на аффекте, на постоянном его производстве. А на самом деле, как мы знаем опять же от Лакана, настоящая любовь — это не аффект. Настоящая любовь — это дар, некий акт, который дальше может аффекты порождать и т. д., но аффект — это просто способ его почувствовать. И этот акт, повторю, должен быть закреплен символически, институционально. Наша жизнь проходит в ситуации кризиса сим-

волических институтов. Это еще одна лакановская мысль, которую я разделяю. Так что придумывать какие-то институты надо. Но на мой взгляд, это не могут быть в чистом виде институты традиционные. Они должны быть заново изобретены, поскольку семья и любовь — это узловой, ядерный момент современного общества именно потому, что сегодня весь аффект, который в этом обществе есть, сосредоточен именно там. Включая макрополитику, поскольку национализм, как показал в свое время Райх, означает именно воображаемую проекцию на большое сообщество аффектов, сформировавшихся в нуклеарной семье. А так быть вообще-то не должно. Надо как-то разводить аффекты больших коллективов и отношения личностей.

И последняя мысль. Исторически, как правильно сказала Елена Костылева, культ любви как единственной и неразрешенной страсти связан, конечно, с христианством и с тем, что вместо христианства мы теперь получили в качестве символа веры любовь к другому человеку. Это, конечно, замечательно — Фейербах еще в ХХ в. сформулировал это и одобрил. Хоть кого-то мы любим — не Бога, так другого человека. Но в процессе этой трансформации были некоторые искажения. Дело в том, что христианская любовь, *ἀγάπη*, или, по-латински, *caritas*, это, вообще-то, не эрос. Она связана с эросом, пересекается с ним, но не есть эрос. Мы догадываемся, что женщины-мистики Средних веков действительно испытывали оргазм, когда думали о Боге, или можно вспомнить трубадуров, которые заимствовали мистический дискурс для любовных песнопений. Но дело ведь, опять же, не только в этом. *Αγάπη* — это как раз, как ни смешно, групповая любовь. Христианство было более полиаморным, чем современный дискурс любви, который к христианству добавляет сентиментализм XVIII в. В христианстве изначально была эта открытость и плюральность, но она осмысляется, прежде всего, не как эротика (хотя как эротика тоже может быть), а как *caritas* — забота и дар. Ты даришь себя людям, ты за счет дара образуешь с ними какие-то отношения. *Αγάπη* становится твоей скрепой с богом, но также и скрепой тебя с другими людьми. И она асимметрична, потому что бог дарит себя многим, а дальше каждый любит отдельно бога.

Что мы имеем сегодня? Эта структура *caritas* — структура заботы — существует. Где? — Правильно, в государстве всеобщего благоденствия, *welfare state*. Здесь живет *caritas*, но она довольно неэмоциональна. Это нейтрализованная, кастрированная *caritas*. А, как мы уже видели, собственно сама христианская любовь запихивается только в диаду или триаду. Что же это такое? Это раздвоение есть издевательство над концепцией любви, во-первых, а во-вторых, это, конечно, хитрый ход государства и капиталистических элит по направлению к тому, чтобы ликвидировать сопротивление в обществе. А пропагандируется это все в массовой культуре.

Я хочу закончить на отсылке к фильмам. Мне кажется, коллизию ἀγάπη/ἔρως или *caritas/amore* очень хорошо видит Ларс фон Триер — это одна из его основных тем. Несколько фильмов, прежде всего «Рассекая волны» и «Догвилль», основаны именно на этой коллизии. Женщины, вместо того чтобы спокойно заниматься любовью с мужчинами (или другими женщинами, ОК), вдруг начинают заниматься благотворительностью! Они чувствуют, что они — господь бог, идут и, если очень огрублять, занимаются сексом с большим количеством людей, которых они не то чтобы любят эротически, но любят их в качестве людей, дарят им себя. Они берут на себя роль Христа, ἀγάπη. Что это такое? У Триера это критика государства всеобщего благоденствия (*welfare state*). Он как бы говорит представителям этого государства: «Вот вы это делаете, помогаете другим людям. Но вы это делаете не всерьез и без всякого чувства». И, как я уже говорил, тем самым эвакуируете эрос в диаду. Но триеровские женщины больше диады, они не хотят диады, они хотят любить всех, они чувствуют, они инфицируются этим обществом распределения и всеобщего благоденствия и хотят принять все всерьез. В результате их собственно сексуальная деятельность теряет всякий сентиментальный и лично обогащающий смысл.

Почти вся фильмография Ларса фон Триера (вспомним и «Танцующую в темноте», и «Нимфоманку») — это травестия *welfare state*, попытка наполнения его смыслом, но в таком парадоксальном и трагическом виде, что оно от этого рушится. Вот вам и коммунистическая революция, между прочим, в карикатурном виде. Это очень важный в данном контексте режиссер и выдающийся аналитик современности, хотя, прямо скажем, не наш политический союзник: наблюдая существующее противоречие, он делает из него пессимистические и даже, скорее, реакционные выводы, особенно в недавних фильмах, стараясь ниспровергнуть сексуальность как таковую как не оправдавшую надежд. Это не наш путь...

Николай Кофурин: Обращаясь к фильмам. Недавно прошел всем известный фильм «Пятьдесят оттенков серого». В этой связи хотелось бы узнать мнение философов по поводу БДСМ и ЛГБТ. Я бы хотел, чтобы вы проанализировали эти два новых модных явления, понимая любовь не как исключительно сексуальное влечение, а как мироотношение, когда сексуальность и любовь половая являются лишь некой трансформацией этой большой любви. Как производная, а не наоборот. Вы же как бы смотрите из половой любви на мир. А я говорю о том, что как раз половая любовь является лишь частным случаем всеобщей любви, любви как мироотношения. С этой точки зрения я хочу, чтобы вы прояснили ваше понимание БДСМ и ЛГБТ, а также гомосексуальных семей — нуклеарных, но, извините, гомосексуальных.

Елена Костылева: Какая разница, если они все равно нуклеарные? Насчет «Пятидесяти оттенков серого». Не смотрела, но читала по-английски небольшую часть самой книги. Написано очень плохо. Дело в том, что это женский роман, дамский роман. С одной-единственной подменой: вместо сцен нежной любви в него вписаны сцены БДСМ-любви. И то, что это вызвало такой гигантский миллиардный резонанс, говорит нам, что концепция романтической любви с нежными сценами уступила место концепции, скажем, романтической любви, но «с перцем», «с искрой». Ничего интересного здесь нет. Это чисто социальный феномен. Это кино, к сожалению, я вынуждена это сказать, для женщин. Искать в нем онтологическое я бы не стала. Это ответ на оба ваши вопроса.

Оксана Тимофеева: Мне кажется, что действительно любопытно в современном феномене садо-мазохистской любви, так это ее глубоко христианская природа, связанная со страданиями Христа, с инквизицией, с технологиями истязания. Производственные отношения и средства производства подошли сегодня к той точке, когда христианские мечты оказалось возможным воплотить в жизнь благодаря разнообразию сексуальных практик и технологий. В БДСМ грех и искупление совпадают в одном акте.

Елена Костылева: Как страстотерпие. БДСМ как страстотерпие.

Оксана Тимофеева: С одной стороны, в современном мире существует, как говорит Славой Жижек, капиталистический императив наслаждения (enjoy!), а с другой — императив христианский, связанный со страданием. Христианство и капитализм встречаются в БДСМ-коммуне.

Николай Кофырин: То есть любовь — это страдание?

Артемий Магун: С точки зрения христианства, как сказала Оксана.

Николай Кофырин: БДСМ — это тоже страдание.

Оксана Тимофеева: И страдание, и наслаждение — соединение и союз страдания и наслаждения.

Артемий Магун: Ну, эта идея ясна. Давайте еще вопросы.

Николай Кофырин: А ЛГБТ?

Артемий Магун: Про ЛГБТ я могу сказать, если это так важно. На самом деле, эта тема довольно значима и сейчас к ней обращено боль-

шое внимание, потому что, хотя и заключаются гомосексуальные браки, но есть качественная разница между гомосексуальностью и гетеросексуальностью. Гомосексуальность разрывает логику двойного парного эроса и поэтому не случайно, что традиционно для гомосексуальных пар был характерен промискуитет. Идея парного гомосексуального брака — это вообще что-то новое и сомнительное.

Николай Кофурин: А платоновская любовь гомосексуальна?

Артемий Магун: Вроде бы да, хотя важно ли это? Так вот, за нынешней модой на гомосексуальность стоит просто любовь к людям, ко всем и таким же, как ты. Гомосексуал это тот, кто понял, что под оболочкой какого-то индивидуального влечения, в котором ты якобы узнаешь себя или свое *alter ego*, ты просто любишь людей. Людей как они есть. Об этом, например, «Теорема» Пазолини. Но в гомосексуализме этот протест против парной и личной любви ресексуализируется и приводит обратно к нуклеарному пониманию отношений.

Дмитрий Виленский: Разве гомосексуальность — это не любовь к себе?

Артемий Магун: Нет, как раз *себя* (свой зеркальный образ) ты любишь в гетеросексуальных отношениях. Это нарциссические взаимоотношения. А гомосексуальность — это когда ты любишь — да, такого же, как ты — но в качестве другого человека.

Оксана Тимофеева: Это не очевидно.

Дмитрий Виленский: Наоборот, Артем, скорее, наоборот (по Фрейдю). В гомосексуальности нарциссизм более выражен.

Артемий Магун: Хорошо. Вопрос дискуссионный. Ясно, что начиная с XX в. во всех отношениях есть нарциссизм. Без нарциссизма ничего не бывает. Но то, что эти две логики — гетеросексуальная и гомосексуальная — встречаются, означает, что есть разного типа любовь к другому. Мне понравилась мысль Жижека из его недавней книги «Событие» о том, что тайна гетеросексуальности — это гомосексуальность. Под маской другого гендера, чего-то красивого и экзотического, под этой оболочкой ты все равно любишь такого же, как ты. Суть в том, что под всей этой мишурой гендера и нарциссизма кроются отношения человеколюбия (филантропии, как говорили в XX в.).

Оксана Тимофеева: Я хотела бы предложить компромисс. Я отчасти согласна, что нужно институцию выстраивать. Я не защищаю

институты пятисотлетней давности, нет — я тоже за новые формы. Я просто считаю, что когда ты говоришь о выстраивании институции, ты, в том числе, подразумеваешь и власть, но власть не как репрессивную машину абсолютного зла. Допустим, у власти интересная диалектика, в ней есть двойственность, учредительный момент. И такой же учредительный, прогрессивный момент может быть в сексуальных отношениях даже в рамках моногамной семьи — этой «официальной» формы любви.

Артемий Магун: Сначала «мы» в этом понимании, наверное, должны были бы взять власть, потому что без этого никто «нам» институций перестроить не даст. Это шутка, разумеется. На самом деле понятно, что власть нам никто не дает. Но вот как раз через такие вещи, как бы оставленные на откуп спонтанности людей, можно влиять на общество, через них что-то можно делать и на самом деле никто не мешает тебе, Оксана, устроить какой-нибудь эксперимент в любви. И этим, может быть, ты что-то изменишь. Или Йозель, который это тоже предлагал. Можно начинать хоть завтра.

Елена Костылева: Но ты хочешь без эксперимента, чтоб наверняка...

Артемий Магун: Нет-нет, я как раз сам-то за эксперимент, как раз за то, чтобы как Чернышевский создавать коммуны. У меня совершенно практическая мысль. Пока этого никто не запрещает.

Олег: Ну а для чего создавать, ведь вопрос в этом? Отказаться от любви или получить новую?

Артемий Магун: И то, и другое, наверное.

Константин Шавловский: Мне кажется, что изменения в любви и изменения в обществе должны идти параллельно. Нельзя предполагать, что сначала мы изменим общество, потом — любовь, или сначала любовь, потом общество. Это как бы диалектическое движение, разве нет?

Артемий Магун: Вообще, эти темы центральны: с одной стороны, мы имеем вытеснение всех аффектов на откуп частной сфере, а с другой, посмотрите, что в политике происходит — там ведь совершенно осознанно идет игра на одновременном вытеснении и сублимации вытесненных эмоций, все по уже упомянутому Райху. То есть сексуальность на самом деле «поднята на щит», если кто-то не заметил, последние несколько лет в нашем государстве. При этом они вот ту реальную сексуальность — не вытесненную — оставляют на откуп:

«Делайте там, что хотите. Копошиться, это не наш вопрос». Единственное, в публичную сферу это все-таки не выносите, потому что в публичной сфере у нас репрессии работают. Вот этот момент двойственности и надо использовать.

Ольга (Цапля) Егорова: Извините, я опоздала, и, кажется, что-то пропустила. Так любовь закончилась уже? Вы начинаете с того, что любви больше нет?

Артемий Магун: Оксана, наоборот, начала с того, что любви еще нет.

Ольга (Цапля) Егорова: А, еще нет. Большое спасибо.

Вопрос из зала: А мы можем рассмотреть, как публичные дома для пролетариев в конце XIX в. перевоплотились в коммуны начала XX в. у нас в России?

Артемий Магун: Про публичные дома ничего не знаю и оставляю на вашей совести, но, действительно, в 1920-е гг. был расцвет таких экспериментов. Не то чтобы они проводились «сверху», но просто люди спонтанно решили, что раз у нас коммунизм, то давайте перестроим наши отношения. То есть прецеденты были, тысячи по всей стране. Есть книга Ричарда Стайтса, который подробно документирует наличие этих коммун. Потом какие-то из них распались, но позже их просто прикрыл Сталин, как и все остальное. Так что прецедент-то коммун был.

Елена Костылева: Я уточню про полиаморию. Мы сейчас так ее обсуждаем, как будто она сама по себе революционная практика. Но она бывает разная. Корни ее абсолютно буржуазны — это форма взаимоотношений для людей из среднего класса, с высшим образованием, нормальным достатком. Но есть и другой поворот этой темы, который нас всех здесь больше всего заинтересовал, — поворот утопический, революционный. Например, квир-поворот в полиамории. К чему это может привести — разломает ли это капитализм? Я просто хотела заметить, что нельзя говорить обо всей полиамории так же, как мы говорим о Коллонтай. Коллонтай была сто лет назад, она была революционерка, а эти люди, сторонники полиамории, в общем-то, могут быть и не революционерами.

Оксана Тимофеева: У меня сложилось впечатление, что в рамках современных капиталистических отношений полиамория — это нормальная буржуазная практика.

Елена Костылева: В принципе, да.

Мария Кочкина: Как я поняла, здесь было представлено две перспективы, которые можно совместить. Мне кажется, под эмансипацией сексуальности понимаются две вещи, которые могут смешиваться. С одной стороны, мы говорим именно об эмансипации сексуальности, а с другой — об эмансипации сексуальностью. И все, вроде как, хотят эмансипации сексуальности, и все соглашаются, что эмансипироваться через сексуальность уже не получится. Сексуальная революция была раскритикована, потому что, даже если мы практикуем какие-то, на первый взгляд, субверсивные практики, это происходит в эдиповых терминах, и поэтому мы возвращаемся к тому же самому. Из этого я делаю вывод, и это уже было сказано, что должен измениться базис — прежде всего, производственные и социальные отношения, — чтобы у нас возникли какие-то возможности для эмансипации сексуальности. Можно сомневаться в том, что если будут создаваться коммуны, о которых говорит Артемий Владимирович, то там будет происходить эмансипация, поскольку люди в этих коммунах будут людьми своей эпохи, своего поколения. Возможно, в таких коммунах будут воспитаны дети, чьи практики уже будут выходить за пределы эдипальной структуры, будут вырываться к общему через братство, сестринство и т. д., и для них станет возможной эта эмансипация сексуальности.

Артемий Магун: То есть нашу сексуальность уже не переделать?

Мария Кочкина: Ну конечно, мы все равно вернемся к тому же самому.

Артемий Магун: Ну да, потому что вы, Мария, верите Фрейдю и Лакану, что сексуальность закладывается в раннем детстве и уже там эта аффективная структура более или менее зафиксирована.

Мария Кочкина: Если говорить об эмансипации сексуальностью — сексуальной революции, — то все, кто мог, ее уже критиковали. Фуко говорил про диспозитив сексуальности, Делёз — про эдиповы термины, через которые не прорваться. Мы все встроены в эту структуру, из которой не можем выйти.

Артемий Магун: У Делёза-то здесь, по-моему, иная позиция, чем у Фуко. Он, скорее, верит в какую-то эмансипаторную трансформацию сексуальности.

Мария Кочкина: В общем, мне кажется, что верить в то, что сексуальность может сама сделать что-то революционное — это значит оставаться в буржуазном мире с его формами сексуальности.

Александр Погребняк: Делёз говорил про десексуализацию эроса.

Оксана Тимофеева: А еще может быть эмансипация от сексуальности.

Мария Кочкина: Да, и я думаю, что тогда, когда возникнет поколение, которое освободится от рамок, в которых мы все находимся, случится либо сексуализация всего, либо десексуализация всего. Возможно, это одно и то же — непонятно.

Александр Погребняк: Много тут симпатичных слов сказано: коммунизм, утопия и т. д. Соглашаясь со всем этим, чувствуя солидарность, хочется высказать некоторые критические замечания. Все считают, что Платон написал утопию про идеальное государство, а в нее же, на самом деле, встроена великая антиутопия, когда он описывает переход от аристократии к демократии. По сути дела, аристократия у Платона и является подлинной демократией, в том смысле, что аристократами становятся по жребию. Но вот когда этот жребий у некоторых лиц — правда, у Платона это женщины — начинает вызывать чувство несправедливости («Почему моего мужа обделили жребием?»), тогда начинаются всякого рода хитросплетения и, в конечном итоге, мы знаем, к чему это приходит. Приходит это к тирании. К тирании, в том числе, вот этой самой нуклеарной семьи. В этом смысле, мне кажется, говорить сегодня о том, что в идеале в политическом проекте мы должны были стремиться к возрождению демократии с ее алеаторными механизмами, жребием и т. д. (об этом много пишут, Бодрийяр, например, в том числе в «Соблазне») — это очень симпатично, но вызывает вопрос.

Дело в том, что в модели радикальной демократии с ее механизмом случайной жеребьевки всегда возникает эффект тех, кому в этом жребии просто-напросто не везет. Жребий — это такая штука, перед которой, пока мы рассуждаем абстрактно, все как бы равны. Но когда мы оказываемся в этом колесе, мы ждем и ждем... а жизнь-то конечна; никто же нам не предлагает вначале решить проблему вечной жизни, а потом уже думать, как внутри нее выстраивать модель демократии. В этом смысле, мне кажется, что семья — именно семья нуклеарная и буржуазная — для многих реальных людей на протяжении многих эпох являлась чуть ли не единственной возможностью противостоять несправедливости этого распределительного механизма, который, как мы знаем, если где-то и был реализован — и на этом неолиберальная идеология всегда делала акцент, — то именно на рынке. Рынок, собственно, и есть этот «третий», который постоянно нас проблематизирует и ни на чем не дает остановиться. Хайек говорит, что ценность нельзя закреплять, она должна все время «скакать» — ни на что нельзя полагаться. Именно поэтому, говорит Хайек,

мы должны людям гарантировать собственность. Артем, хорошо, что ты на Триера сослался, а я вот подумал, что если «Рассекая волны» посмотреть задом наперед, то мы увидим уже не фантазматический проект буквализации *caritas*, но наоборот — реалистическую картину того, как конституируется современное общество. А именно: мы имеем женщину, которую все «имеют» — более того, «имеют» ее «почерному», — куча матросов с какого-то корабля, а у себя дома ее за это проклинают, и т. д. И единственное, в чем она способна укрыться от этой открытости, — это пусть инвалид, пусть прикованный, но ее любимый муж.

Таким образом, читая этот фильм задом наперед, мы видим, что, в каком-то смысле, эта нуклеарная семья действительно оказывается диалектически амбивалентной. С одной стороны, к ней апеллируют буржуазность и проч., но с другой — почему люди ее создают? Потому что она оказывается единственным, что им гарантировано. Это почти как у Фрейда, который в «Неудобствах культуры» пишет, что безумец тот, кто всего себя инвестирует во что-то одно. Надо свое либидо как активы распределять между разными банками, и, в том числе, в такой надежный банк, как семья, вложить, и когда тебя «кинут» в разных других местах, то, по крайней мере, здесь у тебя что-то останется. И вот как с этим быть, когда у тебя уже есть семья, когда ты уже кое-как в этой жизни устроился, у тебя есть работа, то есть какая-то «диада» у тебя есть... Когда я в «диаде» сижу, мне тесно, и я начинаю мечтать о «триадах». Но вот когда люди эти свои «диады» — как в советское время свои квартиры — только получили, то нельзя тут же начать им говорить, что они обуржуазились и т. д.

Еще раз повторю, коль скоро речь зашла не просто о философствовании, а о каком-то проектировании в том числе, мне кажется, что здесь диалектический момент состоит в том, что движение происходит в обоих направлениях, и нельзя сказать, что в одном направлении оно однозначно революционно и радикально, а в другом — обязательно консервативно и контрреволюционно. Это вопрос к Артему. И еще короткий вопрос, извините, что я затянул, у меня на самом деле много вопросов. Оксана, я не совсем понял, а мысль была очень любопытной. При коммунизме, в коммунистическом обществе ревности будет не меньше, а больше, чем в современном буржуазном обществе?

Елена Костылева: Я очень коротко отвечу. Хорошо, если муж — инвалид. А так получается, что бывают у некоторых женщин просто «дикие» ситуации: куда бежать от всех? И вы ей предлагаете жить в нуклеарной семье с насилием одного. Может быть, это в чем-то лучше, но я бы не стала...

Александр Погребняк: Нет, я ведь и не предлагаю...

Елена Костылева: Просто ваша концепция, она немножко моногамная и идеалистичная.

Александр Погребняк: Как раз я-то с вами в целом согласен, но пытаюсь воспроизвести возможный контраргумент от той стороны, которую все мы критикуем.

Оксана Тимофеева: Отвечая на вопрос о ревности: если представить себе общество, свободное от социально-классового антагонизма, но сохранившее, скажем так, антагонизм любовный, то в этой «чистой» ситуации возможна концентрация некоей аффективной энергии, движение которой не направить в какое-то рассеивающее русло (например, тупого заработка или еще более тупого потребления, в котором сейчас многие находят успокоение).

Александр Погребняк: То, что Фрейд называл нарциссизмом малых различий, я понял. То есть материальные проблемы решены и поэтому часть энергии выплескивается... все-все, я понял. Спасибо.

Артемий Магун: Я еще хотел добавить про ревность. Я согласен с Оксаной. Ревность как бы основа любви, как бы ее схема. А что в ней плохого? Может быть, надо больше ревности?

Александр Погребняк: Это собственность. Это вынужденная форма. Но есть другая ревность.

Александр Погребняк: Я хотел сказать, что как раз отношения собственности порождаются ревностью как одной из форм ее разрешения. Эту силу ревности, по сути божественную, люди начинают компенсировать собственностью. Или при коммунизме ревность будет такой, что этого не произойдет? Ведь когда я вижу, что я ее люблю, а она меня не любит, тогда, ну я не знаю, пойду предприятия строить, рабочих нанимать... Маркс так Прудона критиковал: если вы не отмените это, это и это — а мы добавим еще и ревность, — то все снова вернется, весь капитализм.

Оксана Тимофеева: Ревность, смерть, болезнь, несчастная любовь — из-за них-то весь колесный механизм несправедливости всегда готов вращаться и запускаться снова и снова.

Йозель Регев: Я добавлю по поводу нуклеарной семьи. Мне кажется, что тут проявляется основное и базовое противоречие капитализма, про которое еще в «Манифесте» Маркс и Энгельс пишут, что, с одной стороны, вроде бы все священное, все связи и все субстанциальное отменяются, а с другой стороны, они никогда не отменяются

до конца. Создается иллюзия, что они все-таки могут быть где-то найдены и что они необходимы. Человеку постоянно предъявляется требование найти эту субстанциальность, найти эти отмененные отношения в мире, в котором их быть не может. Поэтому единственный способ, которым они могут быть найдены, — это общество конкуренции, когда ты можешь сравнивать себя с другими. Но это сравнение так устроено — собственно, сам принцип сравнения это предполагает, — что субстанциальность не может быть окончательной. Как только человек определяет себя в отношениях с другим, эти отношения подвергаются опасности пересмотра и дальше — бесконечная система отсылок.

Поэтому мне кажется, что нуклеарная семья — и не только она, а вообще любые отношения — как раз выполняет функцию такого иллюзорного единственного якоря спасения от разрушающего связя рынка. Но в действительности этот якорь спасения — встроенная в саму эту систему необходимость. Сама система предполагает разрушение, но не до конца, — и постоянное балансирование между разрушением и не разрушением. Именно эту функцию обслуживает нуклеарность и вообще любые отношения внутри капиталистической модели.

Вопрос из зала: Как вы думаете, возможна ли любовь в безвластных отношениях?

Елена Костылева: Как бы нет.

Вопрос из зала (продолжение): А почему?

Елена Костылева: Вопрос и комментарий совпали. Бессилие не вызвало народного энтузиазма — никто не стал обсуждать бессилие. Каждый из нас, так или иначе, пытается сказать как можно менее личные вещи, но не всегда это удается. Бессилие, любовь без властных отношений, как мне кажется, может означать только лишь их блокировку и больше ничего. Галя, можно у тебя уточнить? Бессилие спровоцировано запретом, или же ты мыслишь какое-то другое бессилие?

Галина Рымбу: Кажется, что бессилие, о котором я говорю, на самом деле двояко. Или вообще это два принципиально разных бессилия. Первое — социальное, экономическое, политическое, историческое, структурированное насильственной логикой избытка и нехватки. Оно не может найти средств для выхода из сложившейся ситуации (капитализма). Это банальное бессилие в любви, в которой мы находимся все — буржуазные или нет, в центре Петербурга или на окраине провинциального города. Это даже, скорее, отчаяние. Оно не революционное и не контрреволюционное. Это зависание, про-

зьябание в отчаянии, порождающее огромной силы якобы «любовный» аффект, с которым люди не способны справиться. Я против понимания моногамии и полигамии как контрреволюционных и демаркации между этими двумя лагерями, так как такое понимание нивелирует более глубокую проблему. И та и другая форма диктатуры Желания бессильны, т. е. *безвыходны*. Как и, увы, любые коллективные регулятивные проекты любви.

Второе же бессилие — это бессилие качественно иное, поскольку вообще отказывается от логики силы и решения в любви. Запрет и разрешение существуют в регулятивной структуре: там, где правит сила, не обойтись без запрета, компромисса, трансгрессии и т. д. (в этом смысле BDSM, кстати, — великая освободительная пародия на такую «отчаянно-регулятивную» любовь). Здесь важно прояснить эту качественно бессильную универсальную природу любви (не создать заново какой-то новый фантом, а именно прояснить, так как революционный зачаток есть уже в самом этом комплексе чувств и отношений): без конечности (и бесконечности), без проективности, без милитантности и милитаризма, ведь даже многие левые философы позволяют себе понимать любовь как войну.

Ольга (Цапля) Егорова: То, что вы говорите, мне кажется ужасно красивым, но совершенно противоречит моему опыту. Во-первых, вы говорите, что полиамория появляется от избытка. Мне кажется, наоборот — от нехватки. Мне не хватает, поэтому мне нужно больше, правильно? Во-вторых, мне казалось, что любовь дает какую-то силу. Вот у меня всегда так было. Может быть, у вас по-другому. Поэтому я как-то ошарашенно все это воспринимаю. Мне кажется, поэтому люди не разделяют и никак не могут понять вашу мысль. Где эта слабость? Почему хочется отдаваться? На самом деле, мы ведь не отдаемся — мы даем и получаем. Эта такая хитрая вещь, любовь. Это очень мощный обмен.

Йозель Регев: Здесь есть некая экивокация. Неразличимость двух видов бессилия. Одно есть у человека бессильного в этой ситуации, а другое бессилие создается тем, что пружина лопается, и тем, что мы выходим за пределы этого натяжения. Но это же своего рода шантаж со стороны пружины, которая нам внушает, что мы сейчас в состоянии бессилия, и если я лопну, то не останется вообще ничего. Мне кажется, необходимо найти средства отличать одно бессилие от другого. И второе бессилие как-то иначе воспринимать и мыслить. Не как «без», а как...

Елена Костылева: Как какую-то трансцендентность, например. Бывают же трансцендентные состояния в любви. Они абсолютно бессильны, они абсолютно непроективны и не обязаны ни к чему

вести, и это, в общем-то, неплохо... Они вообще не имеют темпоральности.

Ольга (Цапля) Егорова: На самом деле, кроме того, чтобы любить друг друга, можно любить еще кое-что. Что-то вне вас. Тогда эти муки и бессилие немножко структурируются, и все эти конечности и бесконечности как-то гармонизируются.

Йозель Регев: Я полностью согласен и думаю, что нужна именно коммуна исследователей. Но проблема в том, что в нынешних условиях, с одной стороны, есть коллектив и то, что его объединяет — аффективные сексуальные связи, а с другой — то, что он делает. И это две разные вещи. Мне кажется, что условием для преуспевания данной коммуны будет уничтожение этой двойственности. Чтобы такая коммуна действительно существовала, необходимо, чтобы связывающие их отношения и были родом их деятельности. То есть уничтожить эту двойственность.

Ольга (Цапля) Егорова: Маловато, маловато...

Елена Костылева: Типичная критика слева.

Дмитрий Виленский: Повторю, что у Брехта тема третьего дела, общего дела очень важна. Мы, кажется, ввязываемся в какой-то довольно абстрактный спор, условно говоря, между производственной и антипроизводственной линиями. Непроизводительность — вроде как сопротивление. Но ведь мы производим новые институты, новые отношения, новые произведения, новые состояния мира. Собственно, в левом эмансипаторном дискурсе наличествуют обе тенденции. Сейчас преобладает, скорее, тенденция «анти», она является господствующей. Хотя, кажется, у акселерационистов другая повестка, но и она не является производственной.

Артем верно отметил, что «третье дело» всегда оборачивается для «обычных» людей детьми — так ты можешь увидеть себя за гранью своей конечности. А у людей, более озабоченных такими вот темами, это может быть искусство, революция, философия и т. д. Как правильно сказала Ольга, из этой диады может вырасти гораздо большее количество соединений, но они всегда подвижны какой-то общей энергией дела.

Йозель Регев: Я думаю, что ребенок — это в каком-то смысле движение в правильном направлении, потому что ребенок — вечный памятник сексуальному акту, в результате которого он был произведен. Но я думаю, что это движение должно быть продолжено и расширено, когда любовь превращается в вечный памятник самой себе.

Елена Костылева: Во-первых, спасибо вам [Дмитрий и Ольга] за ваше консолидированное выступление, потому что об этом стоит думать, определенно — о «третьем деле». Напомню, однако, как полиамористы празднуют 14 февраля. Это комикс, просто представьте себе. Их пять человек. Один говорит: «Я не против пойти в кино»; другой — ему: «Ты что, это же буржуазная вещь, ее нельзя поддерживать!»; третий говорит: «Простите, я читаю книгу — меня здесь нет»; четвертый: «Я сегодня сижу с ребенком — я никуда не пойду». А пятый, например — безногий слабослышащий квир, который не понял вопрос. В чем здесь разница между традиционной левой коммуной и полиаморической возможной структурой? В том, что в полиамории все субъекты заведомо разные — у них вообще может не быть никакого общего дела. Бывают дела, которые нельзя делать вместе: нельзя в четыре руки писать стихи.

Артемий Магун: Во-первых, можно в четыре руки писать стихи. Во-вторых, бывает любовь вне общего дела, но мы сейчас говорим об институциональном переустройстве общества. Конечно, все эти институты должны иметь что-то материальное, на чем они основаны, а не просто так, извините, на аффекте. На аффекте вообще ничего построить нельзя. Можно только на символе. Но символ должен опираться на какое-то взаимодействие с внешним миром. Поэтому я согласен с Димой в том, что нужно создавать либидинальные корпорации, которые будут решать какие-то жизненные вопросы. В то же время, в отличие от нынешних корпораций, они будут спаяны либидинальными связями, но не аморфными.

Ольга (Цапля) Егорова: Я думаю, что можно даже и дела общего не иметь. Но важно иметь хотя бы общие ценности.

Елена Костылева: Общие ценности там как раз есть, вы, наверное, пропустили нашу беседу об этом. Полиамория рассматривается как новая этическая система, новая этика отношений. Там есть такие вещи, как открытость, честность, туда входит вся гендерная теория и весь феминизм в целом, потому что это нерепрессивная система, которая должна быть устроена так, чтобы быть инклюзивной, никого не исключать. То есть там люди «заморачиваются» над тем, как говорит Галя, «как любить».

Артемий Магун: А мы, кстати говоря, так и не поняли, как...

Оксана Тимофеева: Допустим, у нас все организовано по принципу товарищеских полиаморных коммун, но что при этом делать с этой инерцией субъекта, который не хочет в коммуну, а хочет с данным конкретным товарищем, а других исключить?

Александр Погребняк: Оксана, у Фурье это прописано детально. От онанизма до самой полиаморной практики в масштабах всего Фаланстера — пожалуйста! Каждый вечер завязываются сотни интриг, кто-то завтра будет вдвоем, кто-то — вчетвером, кто-то вообще ни с кем не будет — будет мусор убирать в свое удовольствие.

Вопрос в другом: в чем Фурье идеалист? Мне кажется, в его концепции материя подыгрывает структуре. А если материя не подыгрывает? Это вопрос, кстати, и к Йоэлю. Онтология бывает идеалистическая, бывает материалистическая. Последняя — это как раз когда материя дана в некоторой нехватке и эта нехватка, в определенном смысле, проблематизирует любой дефицит. И тогда вместо решений мы имеем проблематизацию, которая никакого решения не предполагает. Почему Маркс так сильно его любил — говорил, что Фурье лучше и Прудона, и любого другого «мудака», — но сам почти 90% проблематики Фурье выкинул и оставил только организацию экономики? Потому что вся концепция Фурье держится на том, что материя — пассивная аристотелевская материя — полностью подкладывается под нашу форму. Но это же идеализм!

Николай Кофурин: Перефразируя автора: не кажется ли вам, что природа все-таки сильнее культуры, и люди живут инстинктами, а не разумом?

Йоэль Регев: Такого рода аргументация очень легко «скатывается» в правый по своей природе тезис. Я бы ответил так. Мне кажется, что не просто материалистическая, а материалистическая диалектическая позиция связана с утверждением двух тезисов. Первый тезис исходит из неподчиняемости нам материи. Он утверждает, что все то, что мы можем подумать, все, что мы можем сделать, наше мышление и наша практика определяются непластичными и внешними по отношению к ним обстоятельствами. Собственно, материя и есть то, что определяет мысль. Но не менее важен и второй тезис: несмотря на указанный выше факт, у нас есть доступ к знанию о том, как это детерминирующее нас внешнее может подвергаться манипулированию. У нас есть знание об этом. Иначе действительно получается идеализм.

У нас есть техника, есть метод. Важность сексуальности заключается в том, что она и есть та область, к которой мы имеем доступ — в наиболее привилегированной форме — как к этому внешнему детерминирующему нашу мысль и наши действия. Это именно та область, в которой мы имеем доступ к методу, позволяющему оказывать влияние, трансформировать внешнее. То, что Пепперштейн называет «перещелкиванием». Такое «перещелкивание» носит сексуальный характер.

Александр Погребняк: Я согласен с тезисом о бессилии. Вы правы, что очень важен момент радикальной случайности. И, собственно говоря, сексуальность — это ведь еще и абсолютно фетишистская вещь. В этом смысле, если мы сексуальность рассматриваем без той «фигни», на которой она зациклена и которую она никогда не отдаст — а она никогда свой фетиш не уступит, не пожертвует, — мы тоже впадаем в идеализм. Детерминирующее начало сексуальности — это именно фетиш, который дает силы, но который именно поэтому и делает нас бессильными. Потому что, как только вы этот фетиш выдергиваете, вся ваша сила улетучивается.

Йозель Регев: С другой стороны — психоанализ. Все психоаналитическое знание основано на предположении о том, что можно манипулировать с этой областью инвестиций, что можно добиваться в этой области каких-то смещений, каких-то перераспределений.

Реплика из зала: Если смотреть на человека как на существо вообразимое, то есть детерминированное вообразимым, в лакановском смысле, то, надо полагать, такие тонкие материи как любовь, именно там подпитываются и находят свою энергию. К вопросу о том, как капитализм выражает свою реакционную сущность: скорее всего, он оккупирует и колонизирует это вообразимое вторжениями символического. Как с этим быть, со всей этой любовью, коммуна — зачем они вообще? Человек склонен никуда не выходить — это уже сегодняшняя статистика. Он все получает, сидит у своего компа и ничего ему не нужно.

Артемий Магун: Великий поэт описанного вами общества Виктор Пелевин в этой связи говорит, что в женщине главное — там, правда, две вещи важны, вторую не буду упоминать, но первая из них — гипноабло. Это метафора. Получается, что женщина — это ходячий телевизор. Но и мужчина тоже. На самом деле ничего не меняется — мы все живем в мире грез. С этого мы и начали. А наша задача с коллегами вставить в это все какие-то защитные блоки для пользователя.

Реплика из зала: Есть простая очевидная вещь — коллектив не занимается сексом. Сексом занимается конкретный человек. И, создавая общину, вы вовсе не гарантируете появление новой сексуальности — она может воспроизводить прежнюю. Зато когда появляется один Маркиз де Сад с новым пониманием любви, появляется и новая сексуальность.

Елена Костылева: В этом смысле хотелось бы уточнить: мы не создаем пока никакую общину.

Дискуссия

Артемий Магун: Как итог дискуссии: Е. Костылева передумала.

Елена Костылев: Люди все время путают коммуну, общину и полиаморию. В полиамории другой субъект, товарищи. Субъект полиамории — это сами отношения. Поэтому такая сексуальность — новая. Во всяком случае, исторически еще точно не было того, что бы описывало себя подобным образом.

Артемий Магун: Спасибо! На этих словах Елены мы и закончим.